КРЕСТЬЯНКА.

— Да ужь у насъ такъ водится, батюшка, воля ваша: коли заѣхали въ наши края, такъ и не обѣгайте насъ, а милости просимъ быть знакомымъ. Воля ваша, а въ среду ко мнѣ, хотя по–крайней–мѣрѣ денька на три!

Такъ говорилъ лысый, какъ голышъ, и круглый, какъ пузырь, помѣщикъ, раскланиваясь радушно и привѣтливо съ хозяиномъ и съ гостемъ его, котораго назовемъ, пожалуй, Путниковымъ. Настала среда и, «нечего дѣлать» сказалъ хозяинъ своему заѣзжему гостю, «поѣдемте! Вы тамъ увидите кой–кого; хоть познакомитесь съ нашими дворянами: вѣрно кто–нибудь у него будетъ». Поѣхали.

Общество было небольшое, но и несовсѣмъ–маленькое. Путниковъ, какъ чужой, не зналъ никого, а знакомился то съ однимъ, то съ другимъ, какъ случалось. Впрочемъ, лысый и пузыристый хозяинъ заботился, съ своей стороны, сколько могъ,

о томъ, чтобъ пріѣзжій дорогой гость зналъ прочихъ гостей и чтобъ они его знали; между–прочимъ онъ также подвелъ его къ рослой и статной барынѣ, очень–моложавой на видъ, и, представляя его, шепнулъ ему напередъ, что это–де сосѣдка моя, полковница Пышнова. Она, по первой бесѣдѣ приличія, обыкновенно столь пошлой и пустословной, показалась, однакожь, Путникову женщиной очень–образованною, скромною, умною и пріятною; въ–особенности же поразила его простота и благородство ея обращенія.

Когда, вечеромъ, прогулка и игра въ лото были покончены и еще часа полтора оставалось до ужина, то гости, расположившись купами тутъ и тамъ, довольно–громко и весело бесѣдовали. Путниковъ присоединился къ тому кругу, который собрался около маленькаго дивана и круглаго столика: тамъ сидѣли двѣ барыни, изъ которыхъ одна была именно Пышнова. Разговоръ склонился какъ–то на сословія или состоянія людей, и когда Путниковъ произнесъ какое–то

рѣшительное и немного–рѣзкое сужденіе, то онъ не замѣтилъ вовсе, что всѣ почти прочіе собесѣдники замолкли, а иные даже вовсе прикусили языкъ. Путниковъ тѣмъ съ большимъ жаромъ и словохотливостью продолжалъ разговоръ, что онъ, казалось, въ–особенности занималъ Пышнову, умную и милую даму, и что она горячо съ нимъ спорила, доказывала и отстаивала свои мысли. Такимъ образомъ прочіе сдѣлались уже не участниками, а только слушателями ихъ бесѣды.

— Позвольте, сказала Пышнова, кротко улыбаясь и поднявъ мягко–очерченную, одѣтую тонкой лайковой перчаткой руку: — такъ намъ нельзя спорить, потому–что мы смѣшиваемъ двѣ разныя вещи; будемъ говорить порознь о томъ и о другомъ. Я вполнѣ согласна съ вами, что возвышеніе человѣка свыше его состоянія рѣдко счастливитъ его — о! это правда; но несогласна съ вами въ томъ, чтобъ человѣкъ никогда не могъ найтись и опознаться въ новомъ положеніи своемъ, чтобъ онъ навсегда оставался не въ своей

тарелкѣ — однимъ словомъ, мѣщаниномъ во дворянствѣ; кажется, это слишкомъ–самонадѣянное убѣжденіе высшаго круга.

— Большею–частью, возразилъ Путниковъ: воля ваша, но я даже опять готовъ повторить: всегда; я покрайности не видѣлъ еще противнаго, а много видѣлъ примѣровъ, оправдывающихъ мое мнѣніе.

— Но отчего жь, сказала Пышнова, наклонивъ мило головку, безъ малѣйшаго кокетства: — отчего же такъ? Человѣкъ одинъ и тотъ же, во всякомъ платьѣ; и если ему только дать случай образовать умъ и сердце — повѣрьте, по наружности онъ скоро оботрется. Эти мелочи вашего условнаго, свѣтскаго быта не такъ трудно перенять, какъ вы полагаете. При послѣднихъ словахъ, она слегка покачала головой и вздохнула.

Путниковъ не обратилъ вниманія на выраженіе: «вашего быта», и потому продолжалъ:

— Эти–то мелочи и нельзя перенять: это всего труднѣе. Я зналъ генеральшу, вышедшую въ это званіе изъ чухонскихъ

кухарокъ, и двадцать лѣтъ этого высокаго сана не могли изгладить въ наружности ея ни одного пріема кухарки!

— Это опять иное дѣло, сказала Пышнова, улыбаясь, какъ–будто съ маленькимъ самодовольствіемъ: — надобно, чтобъ природа не во всемъ отказала такой женщинѣ и чтобъ она была еще довольно–молода при перемѣнѣ своего званія; съ этимъ я согласна.

— Но ничего нѣтъ забавнѣе, продолжалъ Путниковъ: — такой случайной генеральши: каждое слово, каждый пріемъ, которымъ она полагаетъ обворожить васъ, пристали ей какъ коровѣ сѣдло; чѣмъ она болѣе старается скрыть это, тѣмъ рѣзче выставляетъ на позорище всю неуклюжесть свою.

Слушатели начали удаляться отъ этого кружка и собираться въ такомъ разстояніи, чтобъ быть въ сторонѣ, но слышать весь разговоръ.

— Вы довольно–жестоки въ приговорѣ своемъ, сказала Пышнова, остановивъ открытый и привѣтливый взоръ свой на

Путниковѣ: — можетъ–быть, бѣдная генеральша иногда и вовсе невиновата въ своемъ превращенiи и впослѣдствiи горько оплакивала свое быстрое возвышенiе.

— Не вѣрьте этому! закричалъ, разсмѣявшись, Путниковъ: — ханжатъ онѣ, если это говорятъ, притворяются; всѣ онѣ, всѣ кухарки эти такъ довольны, такъ счастливы своимъ возвышенiемъ...

— Кому вы говорите это? остановила его Пышнова съ милою живостью, голосомъ душевнаго убѣжденiя. — Посмотрите, сказала она, смѣючись, какъ–будто желая еще подразнить его и помучить: — посмотрите, вы разогнали всѣхъ нашихъ собесѣдниковъ: ужь нѣтъ ли между ними кого–нибудь, къ кому бы можно было примѣнить ваши слова?

Путниковъ оглянулся, растерявшись нѣсколько, потому–что не зналъ, какъ понять это замѣчанiе, и сказалъ:

— Я, кажется, никого не могъ обидѣть...

— О нѣтъ, нѣтъ! остановила его Пышнова: — нѣтъ, я вамъ за нихъ ручаюсь. Продолжайте!

— Вы меня смутили, проговорилъ Путниковъ: — я въ–самомъ–дѣлѣ замѣчаю, что я поставилъ себя въ какое–то странное положеніе, хотя, право, не понимаю, въ чемъ дѣло. Увѣряю еще разъ, что еслибъ... еслибъ какъ–нибудь... и онъ оглянулся въ ту и другую сторону: — то у меня, право, не было никакого намѣренія... Я здѣсь чужой, никого не знаю, и личностей въ словахъ моихъ быть не могло...

— Да нѣтъ же, нѣтъ! сказала Пышнова, приподнявъ и сложивъ руки: я вамъ говорю — успокойтесь и продолжайте; я только пошутила съ вами, зная, что вы въ нашей сторонѣ чужой. Я вамъ окончательно разрѣшу загадку: я сама хотя и не генеральша... я сама попала въ общество ваше какъ чухонская кухарка, о которой вы упомянули: я до шестнадцати лѣтъ была крестьянкой и пасла гусей.

Можно себѣ представить изумленіе Путникова. Онъ не зналъ, на какой ладъ теперь ему настроить отвѣтъ: плакать или смѣяться; онъ готовъ былъ пасть передъ нею на колѣни. Но Пышнова проговорила

все это съ такимъ неподдѣльнымъ простодушіемъ и смотрѣла на него такими спокойными, обаятельными карими глазами, такъ кротко и увлекательно улыбалась, что онъ чрезъ двѣ секунды, впродолженіе которыхъ она добродушно тѣшилась его недоумѣніемъ, оправился, нашелся и сказалъ:

— Если вы не шутите, если въ словахъ вашихъ, которыя могутъ быть и шуткой, есть правда, то я сдаюсь безусловно военноплѣннымъ не только относительно второй части своего мнѣнія, которую вы у меня оспоривали. Противъ очевидности спорить не могу; первую же часть рѣшаюсь теперь отстаивать въ противномъ смыслѣ: вы счастливы въ своемъ положеніи — я въ этомъ увѣренъ.

— Вотъ видите ли, сказала Пышнова: — какъ легко носить вашу свѣтскую маску приличія!

— Сударыня, возразилъ Путниковъ, поставленный окончательно въ–тупикъ, тѣмъ болѣе еще, что разговоръ этотъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе гостей,

которые теперь съ большою смѣлостью приблизились со всѣхъ сторонъ и смотрѣли, прислушиваясь, то на него, то на нее: — сударыня, я не знаю, что и сказать вамъ, чтобъ не попасть еще разъ въ дураки. Извините меня; я здѣсь чужой, не имѣю чести знать васъ. Если вы, можетъ–быть, только позабавились надо мной, то, признаюсь со всею искренностью, что вы сдѣлали это очень–ловко; если жь вы не шутите, то вы пріобрѣли поклонника на жизнь и на смерть. Я вамъ удивляюсь…

Пышнова, которая съ такою неподражаемою естественностью въ положеніи своемъ умѣла держать средину, не скрывать, не стыдиться своего происхожденія, но и не тщеславиться имъ, Пышнова отвѣчала, что она сказала правду и вовсе не шутитъ, и обѣщала, при случаѣ, разсказать Путникову исторію своей жизни. На другой или на третій день случай этотъ, котораго Путниковъ такъ жадно искалъ, нашелся, и она сдержала свое слово.

— Я родилась (такъ начала она) въ двадцати верстахъ отсюда, въ деревнѣ

Холмахъ, принадлежащей графу Сухменеву. Родители мои — крестьяне; мать умерла давно, а отецъ живъ по–сю–пору. У графа была дочь, о которой я, вопреки общаго голоса, могу сказать много хорошаго: какъ бывшая горничная графини, я знаю ее лучше другихъ; но правда, что гордость графа по наслѣдству перешла и въ графиню, которая любила и умѣла напоминать при каждомъ случаѣ окружающимъ, кто она такова и какого она знатнаго рода. Въ домъ графа былъ вхожъ и даже коротокъ недавно–пріѣхавшій въ отпускъ на свои вотчины гвардейскій капитанъ, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ изъ ряда вонъ и замѣчательный въ высокой степени по уму, по сердцу, по образованію — словомъ по всему, что только составляетъ въ глазахъ нашихъ преимущество одного человѣка передъ другимъ. Онъ бѣгло и умно говорилъ на пяти языкахъ, былъ отличный пѣвецъ и музыкантъ, весьма–успѣшно занимался живописью — словомъ, образованіе его блестящимъ образомъ развило богатыя

природныя дарованія, и я не съумѣла бы указать вамъ ни на одну мелочь, упущенную при воспитаніи его, еслибъ онъ только писалъ правильнѣе порусски. Наружность его была прекрасна; глаза сверкали умомъ и добротой души; и со стороны нравственной могу назвать одинъ только, хотя, конечно, немаловажный недостатокъ, который и былъ причиной его преждевременной гибели: это — тщеславіе. Онъ слишкомъ–хорошо зналъ и цѣнилъ всѣ достоинства свои, былъ избалованъ до этого времени судьбой, и начальствомъ, и товарищами: ему всегда и все удавалось; его вездѣ обожали и вездѣ носили на рукахъ; всегда и вездѣ ему льстили. А лесть и клевета, рано или поздно, возьмутъ свое.

«Вообразите же себѣ положеніе этого человѣка, когда онъ, полагая себя во всѣхъ отношеніяхъ ровней графини и считая даже себя, можетъ–быть, по достоинствамъ выше ея, когда онъ, говорю, посватался и ему отказали — отказали съ намѣреніемъ собственно отъ имени молодой графини, наотрѣзъ, давъ замѣтить, что онъ забылся и

не чета, не дружка для ея сіятельства! Онъ, гвардейскій офицеръ, за которымъ ухаживалъ весь Петербургъ, долженъ былъ выслушать подобный отказъ, который, разумѣется, въ три дня разнесся не только по сосѣдству, но и по всей губерніи! Какими же глазами могъ онъ смотрѣть на людей, которые, какъ ему казалось, смотрѣли на него съ сострадательною или язвительною улыбкой? Попранная, разочарованная страсть — онъ точно былъ влюбленъ въ графиню — и въ высшей степени оскорбленное самолюбіе овладѣли головою и сердцемъ бѣдняка, и, при всемъ умѣ своемъ и благоразуміи, онъ сдѣлалъ непростительную глупость.

«У молодой графини была горничная, молоденькая дѣвочка, недавно–взятая изъ села. Она только–что начинала привыкать около госпожи своей, которая еще почасту была тѣмъ недовольна, что рабочія мозоли такъ долго держатся на рукахъ новой горничной и не даютъ ей заняться, какъ должно, тонкой швейной работой. Дѣвочка эта, которой едва минуло шестнадцать лѣтъ,

кажется, была взята графиней за то, или потому только, что въ толпѣ крестьянскихъ дѣвушекъ бросилась ей въ глаза темнорусою, богатой косой своею и карими глазами, тогда–какъ прочія всѣ почти были свѣтлорусы. Ее–то, дѣвочку эту, которую звали Грушей, несчастный заѣзжій гость видывалъ у графини, гдѣ нерѣдко проводилъ цѣлые дни, и, въ оскорбленномъ тщеславіи и самолюбіи своемъ, конечно, и самъ не зная что дѣлаетъ, избралъ жертвою своей мести. Месть эта состояла въ томъ, что онъ, получивъ отказъ отъ гордой графини, тотчасъ же рѣшился жениться на ея горничной.

«Деньги все дѣлаютъ, и дѣлаютъ, конечно, болѣе зла на свѣтѣ, чѣмъ добра. Деньги, которыхъ оскорбленный молодой человѣкъ не жалѣлъ для достиженія своей цѣли, передали испуганную на смерть Грушу въ его руки. Одна изъ графскихъ дворовыхъ женщинъ выманила ее вечеромъ за ворота, повела, подъ предлогомъ господскаго приказанія, къ колодцу, гдѣ лѣсокъ скрывалъ усадьбу; тамъ ее внезапно

схватили, посадили въ коляску и промчали во весь духъ въ Зазнобово, вотчину этого молодаго человѣка. Тамъ все было готово, и Груша, поистинѣ, не успѣла опомниться, какъ ее одѣли и убрали къ вѣнцу и обвѣнчали. Когда она выходила изъ церкви, рука–въ–руку съ молодымъ своимъ, то много–много если прошло полтора часа съ того мгновенія, какъ ее подхватили у колодца и посадили въ коляску. Никто не удостоилъ даже спросить ее, хочетъ ли она идти замужъ или нѣтъ, и нравенъ ли ей женихъ. И кчему было спрашивать? Какая воля у шестнадцатилѣтней дворовой дѣвчонки, которая и безъ того чрезвычайнаго случая думала о замужствѣ не иначе, какъ за кого–де господа отдадутъ, за тѣмъ и буду — ихъ воля. Ничего вамъ и скрывать, что дѣвчонка эта была — я, а женихъ или мужъ мой — Пышновъ.

«На другой день Василій Васильичъ (такъ зовутъ Пышнова) зазвалъ во дворъ и домъ все село и далъ людямъ богатый обѣдъ и пиръ. Онъ обхаживалъ со мною

подъ–руку ряды и столы; насъ привѣтствовали съ изступленною радостью. Я была еще въ крестьянскомъ платьѣ. Василій Васильичъ приказалъ такъ одѣть меня къ вѣнцу, и я не знала, не понимала, что со мною дѣется. Арабскихъ сказокъ я тогда еще не читала и не слыхала о нихъ; но, конечно, никакое сказочное диво не могло бы поразить меня до такой степени, какъ то, что сбылось надо мною. Я ходила и отвѣчала на вопросы «да» или «нѣтъ», безъ всякаго самосознанія, и была въ безпамятствѣ: иначе я не умѣю объяснить вамъ моего положенія. Не спрашивайте же, что я думала и чувствовала тогда, была ли довольна новымъ положеніемъ, счастіемъ своимъ, или нѣтъ, какъ рѣшилась на поступокъ этотъ, и прочее. Я была не человѣкъ, а вещь; ничего не помню, не знаю, кромѣ того только, что часто дрожала въ страхѣ, а мужъ мой ласкалъ меня и успокоивалъ, и помню, что когда въ числѣ деревенскихъ, свадебныхъ посѣтителей я увидѣла вѣнчавшаго насъ священника, то испугалась этого добраго

старичка, какъ привидѣнія, и опять начала дрожать всѣмъ тѣломъ.

«Василій Васильичъ послалъ при запискѣ графу за меня выводное, какъ водится у добрыхъ сосѣдей, когда крестьяне берутъ женъ изъ чужихъ вотчинъ; графъ возвратилъ деньги, отвѣтивъ, что съ такихъ почетныхъ жениховъ онъ выводнаго не беретъ, а довольствуется однимъ поздравленіемъ и желаніемъ всякаго благополучія.

«Мужъ мой былъ ко мнѣ добръ и ласковъ какъ–нельзя–болѣе. Казалось, онъ внезапнымъ переворотомъ этимъ перенесъ всю страсть свою съ графини на меня и въ этомъ же чувствѣ утушилъ свой страшный взрывъ оскорбленнаго честолюбія, негодованія и мести. Мы уѣхали въ Петербургъ; тамъ я первые два года никуда не показывалась, употребляя все время на образованіе свое, чтобъ сколько–нибудь съ достоинствомъ нести новое свое званіе и не заставлять бѣднаго и добраго мужа моего краснѣть за меня при вводѣ меня въ общество или при встрѣчѣ съ посторонними

людьми. Онъ не жалѣлъ издержекъ: у меня были учители и учительницы всякаго рода, начиная съ учителя русской грамоты до танцовальнаго и музыкальнаго. Чрезъ два года мужъ мой вывезъ меня въ свѣтъ, радуясь, какъ дитя, что успѣлъ превратить меня въ гостиную куколку, которою всѣ любовались, о которой всѣ чрезвычайно–лестно отзывались потому только, что знали это необычайное превращеніе вслѣдствіе романическихъ похожденій, и что это казалось имъ ново и любопытно. Мнѣ было тогда восьмнадцать лѣтъ. Въ–самомъ–дѣлѣ, въ столицѣ только и было рѣчи, что обо мнѣ, и лучшіе домы старались наперерывъ зазывать насъ къ себѣ, чтобъ потѣшить прочихъ гостей своихъ и показать имъ эту модную рѣдкость. «У насъ будетъ Пышнова» — это былъ зазывный кличъ всѣхъ тѣхъ, кто желалъ наполнить свою гостиную. Вы знаете, тамъ бываетъ мода то на человѣка въ козлиной шкурѣ, то на графиню съ птичьей головой: бѣгутъ тогда люди, какъ сумасшедшіе, сами не зная, зачѣмъ и куда,

отъискивать невиданное диво, и въ цѣломъ городѣ нѣтъ больше ни о чемъ рѣчи, какъ объ этомъ небываломъ чудѣ. То же случилось со мной: на меня не могли наглядѣться и надивиться; это льстило моему мужу: онъ ожилъ опять; прежнее тщеславіе — его главная слабость, нашло новую пищу и, несмотря ни на какія просьбы и мольбы мои, мы зажили открыто, великолѣпно. То, что я предвидѣла, при всей неопытности своей, случилось: мы прожились, мода на чернобровую крестьянку прошла — насъ бросили и забыли. Долги тяготѣли надъ нами, а между–тѣмъ двѣ или три неудачи мужа моего по службѣ, неудачи въ томъ же родѣ, какъ и самое сватовство его, снова его озлобили и дотого растерзали его самолюбіе, что бѣдный помѣшался. Онъ впалъ въ непробудную задумчивость, которая была слѣдствіемъ слишкомъ–пылкаго воображенія, самолюбія и тщеславія, необузданныхъ и потому обманутыхъ надеждъ — словомъ, убійственнаго разочарованія.

«Послѣ пяти лѣтъ жизни въ столицѣ, я увезла бѣднаго моего мужа въ деревню, гдѣ мы живемъ уже пять лѣтъ. Я выѣзжаю рѣдко, но иногда позволяю себѣ это, чтобъ не отвыкнуть вовсе отъ людей и нѣсколько разсѣяться и освѣжиться. Если хотите, поѣдемте вечеркомъ, хоть верхами, въ Холмы. Я охотно туда навѣдываюсь, и вамъ покажу старика, моего отца, и сестеръ.»

Разсказъ этотъ возбудилъ любопытство Путникова въ высокой степени, и онъ съ благодарностью принялъ ея предложеніе. Онъ все еще смотрѣлъ на эту прекрасную, милую и умную женщину и не могъ надивиться: ножка ея, въ тѣсномъ башмачкѣ, ручка въ обтяжной перчаткѣ, простота и благородство осанки и всѣхъ пріемовъ, которые украсили и отличили бы женщину высшаго круга и лучшаго общества — все это дотого было трудно связать съ понятіемъ о крестьянкѣ, которая до шестнадцати лѣтъ жала хлѣбъ и доила коровъ, что онъ былъ пораженъ разсказомъ прекрасной собесѣдницы своей какъ–нельзя–болѣе.

Вечеркомъ часть общества, въ томъ числѣ она и Путниковъ, отправились для прогулки верхами.

— Поѣдемъ въ Холмы, сказала она: — я посмотрю тамъ на своихъ.

Всѣ съ удовольствіемъ согласились.

Когда стали подъѣзжать къ селенію, то, вѣроятно, люди, увидавъ издали конниковъ, обратили на нихъ вниманіе, а, узнавъ Пышнову, сказали объ этомъ ея семейству. Изба ихъ была одна изъ крайнихъ, и они встрѣтили гостей: старикъ отперъ околицу, а двѣ сестры ея весело бросились къ ней на встрѣчу. Съ любопытствомъ глядѣлъ Путниковъ на эту картину. Отецъ поклонился ей и, подойдя, хотѣлъ поцаловать у нея руку; она его обняла и выговорила ему вполголоса: «На что ты, батюшка, это дѣлаешь?» сказала она: «что жь люди обо мнѣ подумаютъ? развѣ я когда–нибудь давала тебѣ цаловать мою руку?» Затѣмъ она обняла и потрепала по щекамъ сестеръ, поболтала съ ними и, на приглашеніе отца войти въ избу,

предложила намъ отдохнуть четверть часика.

Въ избѣ было все довольно–опрятно; видно было, что въ ней живетъ зажиточный мужикъ, но все было очень–просто, какъ у крестьянина; потчивали насъ хозяева хорошимъ квасомъ, молокомъ, творогомъ, сметаной и краюхой хорошаго ржанаго хлѣба съ масломъ. Путниковъ провелъ время это чрезвычайно–пріятно; какое–то новое, невѣдомое ему доселѣ теплое чувство одушевляло и согрѣвало его, когда онъ смотрѣлъ зорко во всѣ глаза на все, что вкругъ него тутъ дѣлалось, и прислушивался, не теряя ни одного словечка, къ разговору Пышновой съ отцомъ и сестрами. Съ этими она была за панибрата какъ–нельзя–лучше, шутила съ ними и обнимала ихъ отъ души. Всѣ трое проводили гостей опять до околицы, и они простились. Путниковъ ѣхалъ, понуривъ голову, въ какомъ–то раздумьи и не могъ еще отдать себѣ яснаго отчета во всемъ, что видѣлъ.

— Ну, что жь вы мнѣ скажете? спросила Пышнова, взглянувъ на него съ кроткой улыбкой: — довольны ли вы мною?

— Я думалъ теперь, отвѣчалъ онъ: — что мнѣ должно просить у васъ прощенія за нѣкоторыя опрометчивыя и рѣзкія сужденія свои... Но, согласитесь, вы представляете столь рѣдкое, небывалое исключеніе изъ общаго правила, что мнѣ простительно было ошибаться...

— Это не все, сказала она, покачавъ недовѣрчиво головою: — у васъ есть еще что–то на душѣ.

— Есть, отвѣчалъ онъ: — и, если позволите мнѣ высказать все, то я буду повиноваться.

— Говорите, пожалуйста, говорите, не стѣсняясь ничѣмъ.

— Для меня тутъ одно обстоятельство несовсѣмъ–ясно, сказалъ онъ, собравшись съ духомъ: — или я не умѣю себѣ объяснить его: вы теперь живете въ богатствѣ, въ изобиліи; вы присоединились къ высшему сословію, которое, позвольте сказать, украшаете собою...

— Покорно благодарю, перебила она рѣчь его: — но меня присоединили, а не я сама присоединилась; меня хвалить ни за что…

— Все–равно, вы ему принадлежите, а между–тѣмъ отецъ и сестры ваши остались крестьянами…

— Что жь? сказала она съ живостію: — не хотите ли вы, чтобъ я ихъ также возвела въ дворянство? или — чтобы говорить не шутя — чтобъ я вырвала ихъ изъ того быта, въ которомъ они родились и выросли, а отецъ мой даже состарѣлся? Какую же вы бы отъ этого ожидали пользу? Не–ужь–то вы въ–самомъ–дѣлѣ полагаете, что мы, говоря вообще, счастливѣе ихъ, и что тотъ, кто уже разъ смолоду обжился съ бытомъ крестьянскимъ, будетъ счастливѣе, если его перенести въ другое, высшее сословіе? О, предоставьте мнѣ объ этомъ судить: согласитесь, что требуя этого я въ своемъ правѣ.

«Вскорѣ послѣ моего замужства, Василій Васильичъ, не ожидая моихъ просьбъ, самъ хотѣлъ даровать свободу

моему семейству; но графъ, который былъ довольно благороденъ, чтобъ не мстить этому бѣдному семейству за мою вину, не принялъ предложенія о выкупѣ. Теперь, когда столько лѣтъ прошло и многія обстоятельства измѣнились, графъ, можетъ–быть, и снизошелъ бы къ просьбѣ моей, но я въ томъ не вижу никакой надобности.

«Еслибъ теперь вдругъ объявить старику моему вольную на всѣ четыре стороны, обезпечивъ притомъ еще и состояніе его, то я не знаю, какое благо могло бы для него изъ этого выйти. Всѣмъ имъ въ новомъ, непривычномъ быту ихъ была бы нужна нянька; у меня была она, благодаря Бога, въ лицѣ моего добраго мужа, но у нихъ ея нѣтъ. Сама я не могу сдѣлаться строгой наставницей моего отца, да онъ и слишкомъ–старъ и не образованъ, чтобъ послѣдовать моимъ совѣтамъ. Всего вѣроятнѣе, что онъ отъ бездѣлья сталъ бы пить и что это занятіе сдѣлалось бы главной его забавой. Взять его къ себѣ: въ какомъ видѣ и для чего онъ бы сталъ у меня жить?

Въ богадельню идти ему рано: онъ еще свѣжъ и работящъ — пусть же остается полезнымъ человѣкомъ. Какъ крестьянинъ, онъ едва–ли не счастливѣе всѣхъ прочихъ крестьянъ, потому–что онъ домовитый хозяинъ, нужды и крайности не знаетъ, всегда найдетъ у меня помощь, почтенъ и уваженъ между своими и гордится такъ–называемымъ счастьемъ своей дочери. Куда я его дѣну? въ какое положеніе пристрою, чтобъ онъ былъ такъ же доволенъ и спокоенъ, и чтобъ не зашла ему въ голову подъ старость какая–нибудь блажь?

«То же скажу о сестрахъ моихъ отъ втораго брака. Имъ завидуютъ всѣ дѣвушки на селѣ, когда я подарю по ленточкѣ и по платочку, и онѣ сами не знаютъ, куда дѣваться отъ радости. Не правда ли, что это называется дешево купить счастье другихъ? Онѣ считаются первыми невѣстами по вотчинѣ и, завѣдывая полнымъ хозяйствомъ своего отца, привыкли, пріучились быть хозяйками, а я всегда старалась поселять въ нихъ любовь къ

своему званію и пріучала ихъ къ прилежанію, опрятности и порядку. Онѣ, дастъ Богъ, не будутъ знать ни мигреней, ни другихъ причудъ и бѣдствій неестественнаго быта человѣческаго. Вы ихъ видѣли: онѣ здоровы, полны, веселы и довольны... О, ради Бога не думайте, чтобъ счастье, какъ подагра, избирало себѣ охотнѣе каменныя палаты, чѣмъ черную избу!.. Счастье — довольство, ограниченность потребностей и спокойная совѣсть; вотъ почему счастье живетъ внутри насъ, а не снаружи; мы должны создать его въ себѣ...»

Путниковъ слушалъ, осторожно переводя дыханіе и боясь проронить одно слово. Подъѣхали къ усадьбѣ круглаго, какъ пузырь, и лысаго, какъ голышъ, помѣщика, общаго хозяина. Онъ встрѣтилъ гостей восторженными криками, увѣряя, что мы пропадали безъ вѣсти едва–ли не четверть сутокъ. Путниковъ взглянулъ на часы и съ удивленіемъ увидѣлъ, что онъ не шутитъ.

— Мы были въ Холмахъ, сказала Груша: — и навѣстили моего старика; я хотѣла познакомить съ нимъ и съ сестрами вашего дорогаго гостя.

Путниковъ только сталъ–было прибирать слова, желая сказать ей, что встрѣчу съ нею считаетъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ случаевъ жизни своей, а самоё ее — самою замѣчательною, умною и милою женщиною, какую ему когда–либо удавалось видѣть, какъ она вдругъ, бросивъ взоръ быстро въ сторону и увидѣвъ, что коляска ея уже заложена, спросила:

— Что это значитъ? И, не давъ никому отвѣтить, продолжала: — Боже мой, что сдѣлалось съ Васильемъ Васильичемъ?

— Ничего, ничего, сударыня, успокойтесь, сказалъ заботливо хозяинъ: — Василій Васильичъ напроказилъ–было немного, но все кончилось благополучно…

Между–тѣмъ, человѣкъ ея уже подошелъ; она соскочила съ лошади, разспросила его тихо и спокойно, и узнавъ, что помѣшанный поджогъ–было домъ, что огонь благополучно погасили, но что все

пришло отъ этого случая въ безпорядокъ, и безъ нея никто не можетъ съ бариномъ справиться. Она тутъ же раскланялась съ хозяиномъ, не согласилась ни войти въ домъ, ни отдохнуть, а сѣла въ коляску свою и, кивнувъ намъ привѣтливо головою, скрылась…